

Логическая форма и практическая логика

Деян Деянов*

ПЛОВДИВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, БОЛГАРИЯ

Внимание как физический факт руководствуется биологическими соображениями: частные объекты могут быть съедобными или способными убить нас и, следовательно, полезно обращать на них внимание; но логические формы не являются ни съедобными, ни враждебными, и внимание к ним не представляет причины для долголетия. Это объясняет достаточно хорошо, почему появляется лишь несколько эксцентричных личностей, чье внимание склоняется к таким незначительным объектам.

Бертран Рассел, Рукопись 1913 г.

Для того чтобы быть в состоянии представить себе логическую форму, мы должны были бы быть в состоянии поставить себя вместе с пропозициями вне логики, а это значит - вне мира. Пропозиции не могут представлять логическую форму; она отражается в них. <...> Пропозиция показывает логическую форму действительности. <...> То, что может быть показано, не может быть сказано. <...> О чем нельзя говорить, о том следует молчать.

Людвиг Витгенштейн, "Логико-философский трактат"

Где-то между 1941 и 1943 г. Витгенштейн перечитывает "Трактат" и ему приходит в голову опубликовать свои новые мысли, отражая их в зеркале старых таким образом, чтобы они получили свое правильное освещение (Витгенштейн, 1988а. С.138). Я думаю, что такое правильное освещение получит и

* E-mail: kx_ch@cserv.mgu.bg

сам "Трактат", если в свою очередь он будет отображен на рукопись Рассела 1913 г.¹ Не будет преувеличением сказать, что до сих пор комментаторы больше говорили о травмирующем влиянии критики Витгенштейна на философские интересы Рассела (и в этом есть определенная логика), чем о влиянии этой рукописи Рассела на философскую биографию самого Витгенштейна. Меня будет интересовать именно это влияние - как на "Трактат", так и, через него, на "Философские исследования", притом не как влияние вообще, а как влияние, проникающее сквозь способы постановки (и решения) проблемы логической формы философской логикой с начала века по пятидесятые годы. По моему мнению - несмотря на то, что в "Философских исследованиях" нигде прямо не говорится о практической логике - этот труд Витгенштейна на самом деле являются первым (и пока непревзойденным) тематизированием этой рукописи Рассела.²

Еще в 1901 г. Рассел характеризует поле философской логики следующим образом: "Обсуждение неопределимых, которое составляет главную задачу философской логики, есть усилие увидеть ясно и заставить других увидеть ясно сущности (entities), о которых идет речь, так, чтобы сознанию приобрести такое знакомство (acquaintance) с ними, какое у него есть с красной или вкусом ананаса" (Russell, 1903. V). Легче узнать, добавляет Рассел, что такие сущности как неопределимые (напр. импликация, дизъюнкция, смысл отношения и т. д.) должны существовать, чем воспринять их: мы стоим перед процессом, аналогичным открытию Нептуна, с той разницей, что "его последняя стадия - поиск выведенной сущности - является труднейшей частью предприятия" (Russell, 1903. Там же). В Рукописи 1913 г. философская логика не только не проблематизируется, она даже не упоминается: рукопись Рассела является эпистемологической; однако все проблемы, блокирующие его мысль, являются логическими, и притом логика, которая может прояснить и, возможно, решить их, есть логика философская. Причина этих проблем, по мнению самого Рассела, - "хаотическое состояние нашего знания о первичных идеях в логике" (Рассел, 1997. С.186)³. Поэтому Рассел посвящает одну главу (как, впрочем, и немало отступлений в остальных) проблеме данных логики, т. е. нашего знакомства с логическими объектами (кванторами, логическими константами и т. д.) - все они мыслятся, хотя и с множеством оговорок, как логические формы. Знакомство с этими логическими формами, как мы увидим далее, "предполагается не только эксплицитным знанием о логике" (Рас-

¹ Рукопись 1913 года (изданная посмертно в 1984 г. под редакционным заглавием "Теория познания") - одна из немногих, которые сам Рассел отказался публиковать. Он как бы сам желал, парализованный беспощадной, по его собственному признанию, критикой Витгенштейна, забыть ее, вытеснить из творческого сознания. Поэтому такой интерес для историка логики представляют отрывки его лекций 1914 и 1918 г., в которых вытесненное возвращается (ср. (Деянов, 1997. С.7-20)).

² «Философские исследования» не только придают импульс занятиям Бурдые и Фейерабенда практической логикой, но и являются почвой, на которой вырастают "логика обыденного языка" Стросона (ср., например, (Strawson, 1977. С.231-233)) и анализ Остина "как словами делать вещи" (ср. (Остин, 1996)), чей перевод на язык теории практической логики будет несомненно продуктивным.

³ Нетрудно видеть, что то, что в Рукописи 1913 г. называется "первичными идеями", является смысловым наследником "неопределимых" 1903 г.

сел, 1997. С.166)⁴, а их эксплицирование, как видно из его Лоуэловых лекций 1914 г., - новая задача философской логики (ср. (Russell, 1926. С.53).

1. Проблематизирование логической формы: Рассел и молодой Витгенштейн

В Рукописи 1913 г. Рассел заявляет, что логическая форма не есть составляющая комплекса или пропозиции, чьей формой она является, а есть способ, которым сочетаются ее составляющие (Рассел, 1997. С.161). Она не может быть новой составляющей, добавляет он, воспроизводя довод своего неогегельянского критика Брэдли, "ибо если бы она была, должен был существовать новый способ связывания между (ней) и... (остальными) составляющими, и если мы опять примем и этот способ как составляющую, мы окажемся вовлечены в бесконечный регресс" (Рассел, 1997. С.161). Если прояснить все это на языке противоположности между формой и материей, можно сказать: составляющие определенного комплекса, если их мыслить в противоположность его форме, являются его материей. Поэтому Рассел различает материальный анализ, посредством которого открываются составляющие комплекса, и формальный, посредством которого открывается способ их сочетания (ср. (Рассел, 1997. С.181). К этому следует добавить, что он склонен предполагать, что между логическими объектами, с которыми у нас есть непосредственное знакомство, есть такие, о которых очевидно, что они не являются составляющими пропозиций, но есть и такие логические константы, "которые как будто суть сущности, встречающиеся в логических пропозициях", но "на самом деле относятся к логической форме и в действительности не являются составляющими пропозиций, в чьем словесном выражении являются их имена" (Рассел, 1997. С.161).

Проблема логической формы на самом деле появляется в рукописи еще при обсуждении нашего знакомства с отношениями как проблемы логической формы комплекса и позиций в ней (Рассел, 1997. С.144), так же и как проблемы способа, каким составляющие занимают позиции в зависимости от своего типа. Рассел неоднократно сдвигает значение выражения "позиция составляющих" (Рассел, 1997. С.144-151) - она является то позицией в комплексе, то позицией в связи с соотносящим отношением в нем и т. д.; так он забывает, что проблема позиции, прежде чем быть проблемой позиции в комплексе, является проблемой позиции в его форме. Так или иначе, здесь есть нечто более существенное, что Рассел не успевает сформулировать ясно: когда он говорит, например, что - если даны составляющие *a* и *b* и отношение предшествования - комплекс не определяется своими составляющими и своей формой,⁵ он на

⁴ Именно поэтому стало возможно, чтобы Дональд Мертц сказал, что Галилей подменил логику, принадлежащую предшествующей науке, логикой отношений задолго до того, как она была эксплицитно развита в конце прошлого века. Проблему, которую упускают и Мертц, и Рассел, можно сформулировать следующим образом: каковы логические последствия данной экспликации? Формулирование этой проблемы даст возможность, как я уже говорил, связать занятия философских логиков начала века с проблемным полем практической логики.

⁵ Рассел здесь имеет в виду, что, например, «"А предшествует В" и "В предшествует А" имеют одну и ту же форму, как и одни и те же составляющие, они от-

самом деле хочет сказать нечто более общее, нечто относящееся к любому x и любому y , способным занять одну из двух возможных для их логического типа позиций в логической форме определенного двухместного комплекса,⁶ как и к любому R , способному занять место соотносящего отношения (и асимметричному). Рассел не успевает сформулировать это ясно, ибо ему недостает языка: чтобы высказать это, нужны переменные двух существенно различных типов - переменные для неопределенных, но индивидуализированных составляющих (ср. (Рассел, 1903. С.93)); и для позиций в логической форме (также индивидуализированных), в которых составляющие могут стоять в зависимости от своего логического типа (более подробное обсуждение проблемы см. в (Деянов, 1997. С.12;16). Бросается в глаза, что эти пропозиции, не будучи аналитическими истинами формальной логики, в то же время относятся к соотношению материи и формы вообще (абстрагируются от конкретных составляющих конкретных комплексов) и, как таковые, не могут не быть априорными.⁷

Математический логик, который интересуется только дедуктивными возможностями, заложенными в логической форме, пользуется переменными для неопределенных составляющих, которые показывают⁸ (как сказал бы Витгенштейн) свою позицию в логической форме; то, что они занимают данную позицию, не может быть сказано; это так, потому что при формализации математического логика логическую форму нельзя изолировать, она только, так сказать, выступает на передний план (ср. (Деянов, 1997. С.16). Таким образом, проблема философского логика состоит в следующем: как по методу формального анализа изолировать логическую форму, чтобы сказать то, что при математическом анализе можно только показать? Переменные для позиций в логической форме дают именно такую возможность изоляции и потому именно они придают характерную физиономию философской логике. У Рассела таких переменных нет по той причине, что он не успевает освободить в себе философского логика от математического. Так открытие проблемы логической формы (которая не есть одна из составляющих, а способ их связыва-

ются между собой только "позицией" своих составляющих» (Рассел, 1997. С.144; ср. С.149).

⁶ Имеются в виду позиции референта и релятума.

⁷ Здесь остается только сделать заключение, что эти пропозиции а priori синтетически (хотя и не в смысле Канта) и что философская логика состоит из таких пропозиций, поскольку она не только эксплицирует логическую форму, но мыслит ее по отношению к предельно обобщенной (т. е. неопределенной) материи. Рассел, как мы увидим далее, не доходит до такого вывода.

⁸ Для Витгенштейна показывание является следствием того, что - в противоположность Расселу - логическая форма не есть нечто вне составляющих, которое сочетает их, а является заложенной в них самих как возможность присутствовать в состояниях вещей (ср. (Витгенштейн, 1988а. С.41)). Далее Витгенштейн проясняет смысл показывания следующим образом: "...пропозиция "fa" показывает, что в ее смысле присутствует объект a; пропозиции же "fa" и "ga" - что в них идет речь об одном и том же объекте" (Витгенштейн, 1988а. С.73) и именно здесь добавляет, что "то, что может быть показано, не может быть сказано" (Витгенштейн, 1988а. С.74). Нас здесь прежде всего интересует то, что "переменное имя "x" есть собственно знак псевдопонятия объекта" (Витгенштейн, 1988а. С.76), и что формальные понятия, такие как комплекс, свойство, отношение и т. д., означаются переменными, которые показывают то, что не может быть сказано, - способом своего присутствия в пропозициональных функциях.

ния) замутняется; так интерес математического логика задает границу, до которой формальный анализ в состоянии углубиться; так остается непроясненной логическая форма пропозиций философской логики самого Рассела.

Чтобы отобразить характерную для Витгенштейна противоположность между сказанным и показанным на теорию логической формы Рассела, я должен здесь ввести еще одну противоположность, которую Рассел упускает (хотя она и требуется его теорией): между собственным и наложенным логическим типом (ср. (Деянов, 1997. С.18)). Она состоит в следующем: в "а предшествует b" предшествование мыслится как соотносящее отношение, т. е. согласно его собственному типу, тогда как в "предшествование обратно следованию" оно мыслится как нечто, имеющее свойства, то есть согласно наложенному ему логическому типу. Различение при формальном анализе собственного от наложенного логического типа даст возможность философскому логика различить форму как форму от формы, которой наложен какой-либо тип (напр. тип вещи, когда логик эксплицировал ее, чтобы исследовать ее свойства)⁹; так, асимметричность предшествования в "а предшествует b" принадлежит самой форме пропозиции, тогда как в "предшествование обратно следованию" она мыслится как формальное свойство. Когда Рассел указывает на наше знакомство с логической формой еще "до того, как начинается эксплицитное мышление о логике" (Рассел, 1997. С.162), он не замечает одного существенного следствия из своих слов: при самом эксплицировании логической формы ей наложен некоторый тип и это изменяет ее логически; форма как форма, как уже было сказано, имплицитна.

Итак, я могу обобщить: для Витгенштейна, как и для Рассела, переменные служат для неопределенных составляющих, которые только показывают свои позиции в логической форме; вместе с тем Витгенштейн вообще отказывается от всяких наложенных типов (отсюда и методологический императив молчания); тем самым логическая форма у Витгенштейна остается имплицитной, даже когда все составляющие заменены переменными. Если все это так, то не стоит удивляться, что Витгенштейн не хочет, чтобы его книга была озаглавлена "Философская логика": "Не существует такой вещи, как философская логика. (Кроме как если кто-то скажет, что когда вся книга бессмысленна, то и заглавие должно быть бессмысленным)" (Wittgenstein, 1973. С.20). Вместе с тем, однако, если принять противоположность между собственными и наложенными типами, не было бы натяжкой сказать, что пропозиции "Трактата" - это пропозиции философской логики, в которых - посредством афоризмов о том, чего нельзя сказать, а всего лишь показать - как раз это и высказано. Отсюда как бы следует, что я принимаю иронию Рассела: после того как Витгенштейн сказал слишком много о том, о чем нельзя говорить, об этом,

⁹ Из этого следует, что когда Рассел, вслед за Лейбницем, утверждает, что логические пропозиции истинны только в силу своей формы, он не различает форму как форму от формы формального логика, который исследует ее свойства и потому мыслит ее как вещь. Поэтому пропозиция «(x)(y) если xRy, то не-yRx» (в том случае, если R - асимметричное отношение) истинна не в силу своей формы, а в силу формы всех тех пропозиций, из которых эксплицировано то, что Рассел мыслит как эксплицированную форму. По своей собственной форме эта логическая пропозиция субъектно-предикатна, хотя ее субъект и предикат весьма необычны: она сообщает нам, что вещь если xRy, то не-yRx имеет свойство быть истинной при всех значениях x и y (в том случае, если R - асимметричное отношение).

очевидно, становится возможным говорить. Но это не совсем так: нельзя забывать, что при высказывании логической формы теряется форма как форма, показанность показанного; теряется кардинальное в том, что Витгенштейн называет "кардинальной проблемой в философии" (ср. (Wittgenstein, 1979)¹⁰.

Возможность все-таки высказать показанное, очевидно, ставит нас перед двумя проблемами, которые не стояли перед Витгенштейном: а) каковы условия этой возможности? и б) что случается с показанным, когда мы вынуждены высказать его? Я обращусь к ним в обратном порядке. Принуждение высказывания взрывает, как это мы уже видели, саму показанность показанного: форма мыслится как вещь, как свойство и т. д.; и это имеет место не только в математической, но и в философской логике (например, "реляционные пропозиции не сводимы к субъектно-предикатным"). При этом условия, при которых возможно высказывание того, что можно только показать, совсем различны. В математической логике это нечто вроде изоморфизма, при котором логические формы безразличны к определенности определенных составляющих¹¹, к особенности материи; если же обратиться к условиям, при которых философскому логике возможно высказать то, что можно только показать, то очевидно, что столкновение между двумя несоизмеримыми мирами придает показанному биполярность (каковой оно не имело как показанное), так что по отношению к одному из миров его пропозиции а р1о1г1 истинны, а по отношению к несоизмеримым с ним миром - а р1о1г1 неистинны¹². Как мы увидим, именно то, что Витгенштейн пришел к проблеме несоизмеримости - хотя и поставленной не на этом языке, - заставит его в период "Философских исследований" переосмыслить "Трактат" и прежде всего - противоположность между сказанным и показанным.

¹⁰ Таким образом, я принимаю заявление Витгенштейна, что тезис о радикальной противоположности между сказанным и показанным - хотя и в ослабленном виде - неопровержимо и окончательно истинен (ср. (Витгенштейн, 1988а. С.51)). Здесь я забегаю вперед и скажу, что, хотя этот тезис нигде не воспроизводится буквально в его "Философских исследованиях", он остается и там невыявленным методологическим императивом мышления Витгенштейна.

¹¹ Что является очевидным условием введения переменных для неопределенных составляющих, посредством которых, как мы видели, осуществляется методологическая процедура, обозначенная формальными логиками как "формализация".

¹² В период "Трактата" Витгенштейн обозначает словом "биполярность" то, что всякая имеющая смысл пропозиция может быть как истинна, так и неистинна. Отсюда следует, что, поскольку они не могут быть неистинны, такие пропозиции как "отношения не суть свойства" или "тождество не есть отношение" не говорят ничего, они не имеют смысла (в техническом смысле слова) - они хотят высказать то, что может быть только показано. Столкновение между двумя логически несоизмеримыми мирами дает возможность таким пропозициям приобрести биполярность, если они неистинны по отношению к одному из этих двух миров. Лишь это столкновение дает возможность - посредством введения переменных для позиций в логической форме - изолировать ее.

2. Логическая форма практической логики в окуляре ментального микроскопа: через Рассела

Аллюзия в этом заглавии с телескопом расселовского философского логика, ищущего на логическом небе неопределимые, вполне ясна. То, что скорее подлежит прояснению, это замена телескопа Рассела микроскопом: она происходит оттого, что исследователю практической логики приходится отказываться от возвышенного чувства к небесным далям ради чувствительности к мелкой детали. Эта чувствительность к мелкой детали, остающейся незамеченной для невооруженного глаза, нужна потому, что предмет исследования локализован в зоне имплицитного, неявного (как сказал бы Полани) знания - в трех из его наложенных друг на друга слоев. Я имею в виду слой имплицитности (как я уже сказал) самой логической формы, как и слою имплицитности составляющих пропозиции и имплицитных предположений в логическом выводе. Прежде чем перейти к двум слоям, которые я не рассмотрел до сих пор, я вернусь к тезису, что логическая форма как форма по самой своей сущности имплицитна и что при эксплицировании она изменяется логически, - для того чтобы положить ее в контексте того, что далее - после структурного перевертывания притчи Платона - я назову "притчей о философской пещере".

Здесь, видимо, нужно анализировать глубокую амфиболию, проходящую - с оговорками - от Платона¹³ до начала нашего века: когда говорят "сама форма" (или же "само отношение" и т. д.), не различают две вещи: "чистую форму", т. е. "форму саму по себе" от формы как таковой, т. е. как формы; или "чистое отношение", т. е. расселовское "отношение в себе", от того, что он называет "соотносящим отношением" (ср., например, (Рассел, 1997. С.151-152)). Освободившись от этой амфиболии, мы можем проследить генеалогию этих "чистых форм", "чистых отношений", и установить, что: форма¹⁴ или отношение мыслятся согласно наложенному на них типу вещи; что только плохо сработавшая - вследствие неразличения собственного от наложенного типа - абстракция дает нам возможность извлечь то, что является инвариантным для "чистой формы" (или для "чистого отношения"); и что постановка этих чистых форм и отношений как исходных - всего лишь эффект перевернутой точки зрения философа, эффект его, как сказал бы Бурдые, *illusio* (ср. (Deyanov, 1999. С.232)). Именно эта перевернутость точки зрения философа, на которую по-своему обратили внимание еще Маркс и Ницше, будет далее обсуждена посредством притчи о философской пещере.

¹³ У Платона Сократ говорит Симию: "Значит, необходимо, чтобы мы знали само одинаковое до того времени, когда мы в первый раз увидим одинаковые вещи и заключим, что все они стремятся стать такими, как одинаковое, но все не успевают." ("Федон". 74e). Здесь проблема не в том, принять ли ответ Платона или нет, а в том, что европейские философы приняли отвечать на вопрос Платона о "самом одинаковом".

¹⁴ Говорить без оговорок о собственном типе логической формы - поскольку она, как я сказал, не составляющая, а способ сочетания составляющих, которые в собственном смысле слова принадлежат к какому-нибудь типу, - было бы неуместно. Не требует сомнения, однако, что аналогия, благодаря которой мы говорим о собственном типе логической формы, законна: если то, на что мы налагаем наложенный тип, есть тип собственный, то и форма как форма есть собственный тип логической формы.

Здесь нам нужно вернуться к расселовской проблеме позиций в логической форме (ср. (Рассел, 1997. С.144))¹⁵, например, позиций референта, отношения, релятума в двухместной реляционной пропозиции, и к проблеме того, что не всякая составляющая может занимать любую позицию. Тогда, когда составляющая займет позицию, которую она не может занимать, сама логическая форма пропозиции оказывается неистинной¹⁶, а пропозиция - алогичной (напр. "Больше - больше этого стула"); но, как мы знаем, неклассическая трансцендентальная логика призвана исследовать не только практическую логичность, но и алогизмы практической жизни.¹⁷ Поскольку же логическая форма не есть составляющая пропозиции, чьей формой она является, у нее нет позиции; но в пропозиции, где на нее наложен тип и она является составляющей, она должна занять позицию для составляющих такого типа. В практической логике (например, в логике перформативов Остина, таких как обещание, клятва, проклятие и т. д. - ср. (Остин, 1996. С.13-23; Петков, 1999)), как мы увидим далее, проблема позиций в логической форме приобретет новую смысловую плотность.

Эта проблема, однако, оказывается более многомерной, когда мы дадим себе отчет в том, что в комплексе есть составляющие, которые по самой своей сущности имплицитны (в комплексе, мыслимом через пропозицию "чаша более блестяща, чем тарелка", такой составляющей является не только лампа, которая бросает свой свет на них, но и само отношение освещения); и что, следовательно, в логической форме, которая сама имплицитна, имеются позиции для имплицитных составляющих, т. е. пропозиции по своей сущности эллиптичны¹⁸. Легко можно увидеть, что в расселовской теории суждения как

¹⁵ На самом деле еще Аристотель, не обсуждая этого подробно (из-за того, что в своей силлогистике он не мыслит через исследованную в "Метафизике" противоположность между формой и материей), замечает проблему позиций в логической форме тогда, когда он различает среднее (т. е. средний термин) "по природе" и среднее "по положению" - ср. (Луканин, 1984. С.101-102). Это различие, хотя и проведенное не на этом языке, далее оказывается неопределимым для полужабытой, но доказавшей свою продуктивность в критике Марксом политической экономии, силлогистики Гегеля.

¹⁶ Логике, для которого истинной или неистинной может быть пропозиция, говорить об истинности логической формы было бы неуместно, если не нелепо. Здесь нужно иметь в виду, что само отношение между формой и материей, т. е. между формой комплекса и составляющими, которые занимают позиции в этой форме, принадлежит к логической форме (хотя оно и не представляет интереса для формального логика, интересующегося только ее дедуктивными возможностями). Если это так, то проблема того, занимают ли составляющие позиции, адекватные их логической форме, является проблемой истинности логической формы; тогда "больше - больше этого стула" имеет неистинную логическую форму (это можно рассматривать как философско-логический анализ понятия бессмысленности).

¹⁷ О неклассической трансцендентальной логике и о методах, посредством которых она может исследовать алогизмы практической жизни, см. (Деянов, 1999).

¹⁸ Это замечает и Витгенштейн периода «Философских исследований»: «Предложение является эллиптическим не потому, что в нем пропущено нечто, которое мы мыслим, когда произносим его, а потому, что оно сокращено - в сравнении с определенным образцом нашей грамматики» (Витгенштейн, 1988б. С.149).

многоместного отношения¹⁹ субъект и отношение понимания (суждения, сомнения и т. д.) должны занимать позиции имплицитных составляющих. Если обратиться к логике остиновских перформативов, мы увидим аналогичное: когда некто, разбивая бутылку, дает имя кораблю, то он и все те, кто приглашен присутствовать на церемонии (и даже бутылка), занимают позиции в логической форме перформатива; если они встанут в позицию, которую они не могут занимать, то перформатив окажется неуспешным, а его логическая форма (т. е. всеобщая и общезначимая для данного мира допредикатная очевидность - см. (Деянов, 1999б); ср. (Деянов, 1998) - неистинной. Остин пропустил заметить, что хотя сам перформатив не может быть истинным или неистинным²⁰, но истинной или неистинной может быть его логическая форма; и что внимательный анализ показывает, что неуспешность перформатива вызывается в немалой степени неистинностью этой формы, т. е. дефекту в практической логике.

Следующий слой - слой энтимем как логических выводов, у которых есть посылки, которые по своей сути имплицитны (т. е. допредикатные очевидности): когда мы думаем, что "греки - люди и, следовательно, смертны", мы мыслим людей как смертных; и только если эта безвопросная очевидность будет поставлена под вопрос при столкновении с миром, несоизмеримым с нашим, с миром, в котором мыслят людей как бессмертных, мы эксплицируем посредством предикирования: "люди смертны"; таким образом, не энтимемы оказываются сокращенными силлогизмами, а как раз наоборот - силлогизмы оказываются расширенными энтимемами (ср. (Деянов, 1984. С.34))²¹. Здесь мы могли бы обобщить сказанное и рассматривать таким образом интерпретированную энтимему как метонимию всякого логического вывода с имплицитными посылками (несмотря на то, силлогистически или асил-

¹⁹ Расселовская теория суждения как многоместного отношения мотивирована его отказом рассматривать пропозицию как единый объект акта суждения, объект, который имел бы свойство истинности или неистинности (так же, как розы имеют свойство быть белыми или красными, иронизирует Рассел); если пропозиции - единые объекты, заключает Рассел, то и неистинные пропозиции имеют онтологический статус, несмотря на то, что факты, в силу которых они неистинны, не существуют. Согласно теории суждения как многоместного отношения (в версии, предложенной в Рукописи 1913 г.) - теории, избегающей эти ненужные допущения - суждение представляет собой отношение между субъектом, составляющими мысленного в пропозиции комплекса, и логической формой.

²⁰ "В начале я обратил ваше внимание на несколько примеров простых высказываний типа, называемого... перформативным. На первый взгляд они имеют внешний вид или по крайней мере грамматический грим "утверждений", но вопреки тому при более внимательном рассмотрении оказывается, что это просто не есть высказывания, которые могут быть "истинными" или "неистинными". А "истинность" или "неистинность" является по традиции характерным признаком утверждения" (Остин, 1996. С.23). Еще Хайдеггер в своей критике логики в "Бытии и времени" противопоставляет этой традиции истину как открытость, "существование Dasein в истине" как "исходный феномен истины" (ср. (Хайдеггер, 1997. С.220-222). Фуко же говорит: "Мендель говорил истину, но не был в "истинном" биологического дискурса своего времени" (Фуко, 1992. С.17). Не впускаясь в запутанные философские обсуждения, скажу только, что "не-быть-в-истине" (и у Хайдеггера, и у Фуко) можно анализировать как неистинность логической формы.

²¹ Этот тезис может быть обсужден в деталях только на техническом языке неклассической трансцендентальной логики.

логистически дедуктивен этот вывод, является ли он выводом по аналогии или индуктивным); и заключить, что в практических логиках то, что говорится, намного меньше, чем то, что остается в молчании. Этот тезис - о сущностной энтимематичности логического вывода - предлагает, по моему мнению, существенные возможности перед тем, что Тодор Петков называет логикой молекулярных перформативов (ср. (Петков, 1999)): иначе мы вряд ли могли бы прояснить, почему мы думаем, что этот перформатив следует логично из предыдущего, а тот - нет²². Таким образом, к тезису о сущностной имплицитности логической формы мы могли бы прибавить тезисы о сущностной эллиптичности пропозиций и сущностной энтимематичности логического вывода; и исследовать, как эллиптичность пропозиции и энтимематичность логического вывода заложены в их логической форме²³.

3. Практическая логика и критика логики Витгенштейном

Теперь я могу перейти к вопросу о том, каким образом мысли "Философских исследований"²⁴ можно отобразить на мысли "Трактата", чтобы они получили правильное освещение (ср. (Витгенштейн, 1988б. С.138)). Прежде всего здесь нужно начать с нового отношения к логике логиков: «Математическая логика' совершенно деформировала мышление математиков и философов, объявив поверхностное толкование форм нашего повседневного языка анализом структур фактов. Разумеется, здесь она лишь продолжила сооружение аристотелевской логики" (Витгенштейн, 1988в. С.592). Отсюда нужно проследить внимательно, как критика логики логиков сосредоточивается на отдельных ее проблемах (логическое заключение, отрицание, противоречие и т. д.); затем перейти к тому, что сам Витгенштейн имеет в виду под "логикой" и насколько эта логика воспроизводит некоторые из тезисов "Трактата"; и наконец, дойти до вопроса о том, предлагает ли Витгенштейн нечто вроде идеи о практической логике (хотя нигде и не говорит об этом).

Критикуя философскую логику «Трактата» (здесь я не буду обсуждать, деформирует ли ее Витгенштейн при возвращении к ней), он хочет избежать то недоразумение, что "в логике мы говорим об идеальном языке", к которому обыденный язык только приближается - "как будто наша логика - логика без-

²² Именно такой алогичностью является отказ принять дар или дать обратный дар; отказ сказать "Да", когда вступаешь в брак и уже надела платье невесты; замена воскресной проповеди священника политической агитацией после того, как он уже надел рясу и встал за кафедру, и т. д. Когда я принимаю дар, я не говорю: "любой дар должно принимать; то, что ты мне даешь, является даром; значит, я приму твой дар"; я говорю: "Спасибо!". Внимательный анализ скажет нам, что последняя реплика является чем-то вроде перформативной энтимемой; не принять дар, говоря: "Нет, не возьму! У меня есть свое!" - есть алогизм именно по отношению к этой энтимеме.

²³ Все это - очевидное следствие из конечности человека - проблема скорее в том, чтобы исследовать формы этой конечности и их влияние на логику, на которой он мыслит.

²⁴ Здесь я буду ссылаться также на "Замечания по основаниям математики" (Витгенштейн, 1988в), так как они не только несут на себе следы почерка Витгенштейна периода "Философских исследований", но и являются рукописью, в которой формируется его новая философская парадигма.

воздушного пространства" (Витгенштейн, 1988б. С.183; ср. С.190). Как раз наоборот: у обыденного языка есть своя логика или, поскольку Витгенштейн мыслит его как семью языковых игр²⁵, у каждой из этих игр есть своя логика, так что даже "логический вывод - это часть языковой игры. И тот, кто делает логические заключения в языковой игре, следует определенным инструкциям, которые были заданы при изучении самой языковой игры" (Витгенштейн, 1988в. С.617)²⁶. Витгенштейн формулирует свой новый методологический императив в форме афоризма, которым он отделяет себя от предшествующей философской логики: "Чем пристальнее мы рассматриваем действительный язык, тем больше становится противоречие между ним и нашим требованием. (Я не смог получить кристаллическую решетку логики; а она была для меня требованием). Противоречие становится невыносимым; есть опасность, чтобы требование превратилось в нечто пустое. Мы поскользнулись там, где нет трения, и поэтому условия в некотором смысле идеальны, но как раз потому мы и не можем ходить. Мы хотим ходить; тогда нам нужно трение. Назад, к шершавой земле!" (Витгенштейн, 1988б. С.192; ср. С.197). Не будет натяжкой сказать, что логика, которая помогала нам справляться с неровностями этой «шершавой земли», - хотя, как я сказал, Витгенштейн нигде не говорит этого в явном виде - есть именно практическая логика, к которой не без его влияния обращаются Бурдые и Фейерабенд. "Философские исследования" не предлагают теории практической логики, но они обсуждают под формой мысленных экспериментов некоторые из ее невралгических - притом собственно логических - проблем.

Критика логики логиков, проблематизирование этой логики через догадку языковых игр направлена на отказ от теории, согласно которой "каждое слово имеет значение" и "оно есть предмет, который слово замещает" (Витгенштейн, 1988б. С.140), и которую философы - от Августина²⁷ до молодого

²⁵ С помощью выражения "языковая игра" Витгенштейн хочет подчеркнуть, что "говорение на языке - часть деятельности или форма жизни" (Витгенштейн, 1988б. С.151); перечисляя некоторые из этих - я бы сказал, несоизмеримых - игр, он говорит: "Легко можно представить язык, который состоит из одних приказов и рапортов в сражении. Или язык, состоящий только из вопросов и выражений подтверждения и отрицания. И бесконечное множество других языков. - Таким образом, представить себе язык означает представить себе форму жизни" (Витгенштейн, 1988б. С.147). Логика этих игр, вернемся к Остину, очевидно перформативны. Говоря, что языковые игры несоизмеримы, я имею в виду, что не существует ничего такого, что было бы общим для всех них, что между ними есть отношение семейных сходств (ср. (Витгенштейн, 1988б. С.156-157): каждый член семьи может быть в чем-то похож на любого из остальных, но из этого не следует, что у них всех есть какое-нибудь общее свойство).

²⁶ Внимательному читателю "Философских исследований" очевидно, что "логика" употребляется здесь в двух смыслах: а) как нечто подлежащее критике - логика профессиональных логиков; б) как подлежащая прояснению логика языковой игры (как в нашем случае или в случае, когда Витгенштейн предлагает представить себе "более примитивную" логику, в которой могут быть отрицаемы только предложения, которые еще не содержат отрицания (Витгенштейн, 1988б. С.309)).

²⁷ Приведя в начале "Философских исследований" знаменитый пассаж из Августина о ребенке, который учится языку, слушая, как взрослые "называют именно то, на что желают указать", Витгенштейн говорит: "Августин не говорит о различных видах слов. Тот, кто описывает обучение языку этим способом, в первую очередь, считаю я, думает о существительных, таких как 'стол', 'стул', 'хлеб', как и

Рассела - принимают либо молча, говоря об этом прямо. Эта теория значения "обвивает функционирование языка туманом, который делает невозможным ясное видение" (Витгенштейн, 1988б. С.142). Туман, считает Витгенштейн, рассеется, если мыслить о значении слов посредством метафоры ящика с инструментами: "в нем есть молоток, клещи, пила, отвертка, измерительная линейка, банка для клея, клей, гвозди и винты. Тем же образом, каким различаются функции этих предметов, различаются и функции слов" (Витгенштейн, 1988б. С.145); и нам стоит только наблюдать за работой языка²⁸, чтобы установить эти функции. Так у слова "скальпель" есть совершенно различные функции в языковой игре, в которой врач говорит медсестре "Скальпель!", в несоизмеримой с ней игрой, в которой тот же врач предупреждает своего ребенка, чтобы тот не порезал палец, перформативом: "Скальпель острый!", и в игре, в которой кто-то констатирует: "Это - скальпель." Из этого очевидно ясно, что остиново разграничение между перформативами и констативами (а, следовательно, и проблематика перформативных логик, тематизированная Петковым) - следствие того, что открыл Витгенштейн.

Здесь стоит немного отклониться от анализа воззрений Витгенштейна. Лет за двадцать до него Хайдеггер в "Бытии и времени" сопоставляет - разграничивая герменевтическое "как" от апофантического - логику критике, в некоторой степени аналогичной витгенштейновой, но с точки зрения экзистенциальной аналитики Dasein. Совсем огрубленно: говоря о высказывании "молот тяжел" как о вторичном модусе толкования - вторичном по отношению к толкованию молота как молота в практике Dasein и, скажем, его замене более легким "без лишних слов", - он добавляет, что само это высказывание может иметь функции совсем не теоретические (как предполагают логики, думая, что здесь говорится, что вещь-молот имеет свойство быть тяжелой), а практические, и означать: "Слишком тяжел! Дай мне другой!" (ср. (Хайдеггер, 1997. С.157-158)). Между этим высказыванием и собственно теоретическим есть много промежуточных степеней: "Высказывания о событиях в окружающем мире, 'доклады об обстановке', ... рассказ о случившемся. Эти 'предложения' не поддаются, без существенного искажения их смысла, редукции к теоретическим предикатным предложениям" (Хайдеггер, 1997. С.158; ср. С.162). Но у них есть своя практическая - скажу это опять на языке Остина - перформативная логика, которая подлежит исследованию с позиции неклассического трансцендентального логического подхода (и очевидно, что Хайдеггер - как и Витгенштейн - разграничивает задолго до Остина констативы и перформативы).

Мы могли бы думать, что - критикуя логику логиков, проблематизируя ее через работу языка в языковых играх - Витгенштейн навсегда отказывается от того, что он ранее называл кардинальной проблемой философии - проблемой противоположности между сказанным и показанным. Это, однако, со-

об именах людей, и лишь затем об именах определенных действий и свойств; а об остальных видах слов - как о чем-то, что раскроется само по себе" (Витгенштейн, 1988б. С.140-141).

²⁸ Поскольку философские проблемы и у позднего Витгенштейна "не являются эмпирическими, а разрешаются посредством вникания в работу нашего языка" (Витгенштейн, 1988б. С.193), постольку и наблюдение, о котором говорит Витгенштейн, является не эмпирическим, а грамматическим (ср. (Витгенштейн, 188б. С.188); грамматическое наблюдение, как мы увидим далее, предполагает припоминание.

вершенно не так: и здесь логическая форма²⁹, хотя Витгенштейн уже не говорит на этом языке, представляет собой нечто такое, что не может быть сказано, а только показано. О логиках языковых игр он говорит: "Шаги, которые не ставятся под сомнение, - логические выводы. Но они бесспорны не потому, что 'безусловно соответствуют истине'... Здесь совсем не идет речь о каком-то соответствии высказываемого реальному; скорее, логика предваряет любое такое соответствие в том же самом смысле, в каком установление метода измерения предваряет правильность или ошибочность того или иного утверждения о длине" (Витгенштейн, 1988в. С.471-472)³⁰. Потому, когда Витгенштейн говорит, что «нечто, которое благодаря своей форме выглядит для нас как эмпирическая пропозиция, а на самом деле - грамматическая» (Витгенштейн, 1988б. С.243) - имея в виду разницу, например, между "Любая палка имеет длину" и "Этот стол имеет ту же длину, как вон тот стол", - он добавляет, что "образ, прикрепленный к грамматической пропозиции, однако, мог бы только показать, что называют 'длиной палки'», и ставит под сомнение возможность противоположного образа, так как его следовало бы прикрепить к "отрицанию пропозиции $\neg p$ " (Витгенштейн, 1988б. С.244). Этим он возвращается к противоположности между сказанным и показанным и к требованию биполярности, но уже предполагая, что есть условия, при которых пропозиции о логической форме (здесь - грамматические пропозиции) могут все-таки быть высказаны (иначе и быть не может, после того как существуют несоизмеримые языковые игры).

После сказанного я могу перейти к некоторым логическим деталям. Мы уже видели, что Витгенштейн улавливает проблему сущностной эллиптичности пропозиций; здесь мы увидим, что он улавливает еще более отчетливо проблему сущностной энтимематичности логических заключений, которые, как я сказал, для него являются частью языковых игр³¹ (Витгенштейн, 1988в. С.617). Вслед за этим он говорит: «Представь себе процесс, по ходу которого тот, кто толкает тележку, приходит к выводу, что он должен очистить ось ко-

²⁹ Витгенштейн как бы отказывается говорить о логической форме, отказываясь от единственности логики во имя логик (грамматик) языковых игр, которые, как мы увидим, к тому же не устойчивы во времени. После этих оговорок мы можем вернуться к языку "Трактата" и к его открытиям. Так, мы можем сказать, что именно логические формы являются тем, что наблюдается в "грамматическом наблюдении" (по Витгенштейну): они являются данными логики. Различие грамматического наблюдения от эмпирического Витгенштейн проясняет с помощью афоризма Августина о времени как чем-то таком, о чем он знает, что оно такое, когда его не спрашивают, и не знает, когда приходится это объяснять; потому "оно является чем-то, что нужно вспомнить" (Витгенштейн, 1988б. С.188). Когда данные логики нам даны, мы не объясняем их; когда мы их объясняем, они нам уже не даны (потому "работа философа - это коллекция воспоминаний" - (Витгенштейн, 1988б. С.197)).

³⁰ Притом, если продолжить эту аналогию и сказать, что у нас есть под рукой различные методы измерения, можно достичь проблемы несоизмеримости между логиками различных языковых игр; надо только иметь в виду, что - в противоположность методам внешним к тому, что измеряемо, - логики внутренне присущи соответствующей игре.

³¹ Здесь нельзя забывать о методологическом императиве, сформулированном Витгенштейном по другому поводу: "Поэтому необходимо видеть, как мы делаем умозаключения в языковой практике; чем является процесс умозаключения в языковой игре" (Витгенштейн, 1988в. С.427).

леса, поскольку толкать тележку стало слишком тяжело. Я имею в виду не то, что он говорит себе: "Всегда, когда слишком тяжело толкать тележку..." - а то, что он просто действует так. И случается, что он кому-то крикнет: "Тележка не идет, очисти ось!" - или же: "Тележка не идет. Значит, надо очистить ось» (Витгенштейн, 1988в. С.617)³². И еще: "Если ты заглянешь этой мышке в пасть, то увидишь два длинных острых зуба. - Откуда ты это знаешь? - Я знаю, что они есть у всех мышей, а значит, и у этой. (И при этом не говорят: 'Эта вещь тоже является мышью, а значит, у нее тоже есть...')" (Витгенштейн, 1988в. С.592). Не может быть сомнения, что - как грамматические - эти наблюдения тонки: так работает наш язык, таковы логики языковых игр; когда при этом Витгенштейн добавляет, что «закключение - это переход к определенному утверждению; и значит, также и к поведению, соответствующему данному утверждению. 'Я делаю выводы не только в словах, но и в действиях'» (Витгенштейн, 1988б. С.296), он делает свой вклад в логику молекулярных перформативов. И все-таки здесь, в этих тонких грамматических наблюдениях, нет ни теории практической логики, ни даже метода ее исследования, а только хорошие догадки и внимательные мысленные эксперименты.

Тематизируя логический вывод как часть языковых игр, я не могу не обратить внимание на проблему неумолимости логических законов, жесткости логического принуждения и логических машин (ср. (Витгенштейн, 1988в. С.460-464). Замечая, что кроме неумолимых, т. е. однозначных правил заключения, есть и неоднозначные - "такие, которые открывают перед нами альтернативы" - Витгенштейн вводит метафору логической машины как "всепроникающего эфирного механизма" и тут же добавляет: "Следует остерегаться такого образа" (Витгенштейн, 1988в. С.461-462). Следует остерегаться, ибо мысля о любой машине как об идеально слаженном механизме, который "как бы уже заключает в себе свой собственный образ действия", мы не мыслим о действительной машине, чьи части могли бы погнуться, сломаться, расплавиться и т. д.; забываем, что "машина могла бы двигаться и иначе" (Витгенштейн, 1988в. С.462-464). Если вернуться к логической машине и неумолимости логики, это предупреждение, в сущности, заставляет нас осознать, что логические формы и законы практических логик, логик языковых игр, не времяустойчивы. Немного ниже Витгенштейн задает себе вопрос: "Вечны и неизменны ли наши законы вывода?" и добавляет: "Разве дело обстоит не так: коль скоро человек мыслит, он делает логические выводы... Это, по видимому, означает: коль скоро то-то не ставится под сомнение вообще. Шаги, которые не ставятся под сомнение, - логические выводы" (Витгенштейн, 1988в. С.471). По-моему, если это - ответ на вопрос, то он не удовлетворителен; несомненно, что если наши законы вывода не времяустойчивы, то они не неизменны; но почему же им не быть вечными?³³

³² На первый взгляд есть что-то удивительное в том, что сразу же после этого Витгенштейн говорит: "Это ведь и есть некий вывод. Правда, не логический." Удивление, однако, исчезнет, если вспомнить, что Витгенштейн употребляет слово "логика" двусмысленным образом и здесь он имеет в виду логику профессиональных логиков, а не языковых игр (логика как "своего рода ультра-физика, описание 'логического строения' мира, воспринимаемого путем своеобразного ультра-опыта (вкупе, скажем, с пониманием)" (альтернативный перевод: "ультра-опыта (например, посредством разума)") - ср. (Витгенштейн, 1988в. С.425).

³³ Ответ, который предложил бы я, - "они вечны, но и не неизменны" - парадоксален только на первый взгляд, пока мы не освободились еще от одной из докс

Здесь я оставлю "Философские исследования", совершенно не обращаясь к некоторым логическим проблемам, которые, будучи неопределимыми для теории практической логики, здесь увели бы нас в сторону (отрицание, которое не может быть итерировано в 'более примитивных' логиках; возможность мыслить нечто как различное от самого себя; сомнение в том, что противоречие немислимо в логиках языковых игр и даже предположение, что оно может иметь логические функции в них: "Противоречие можно понимать как знак богов, говорящий мне, что надо действовать, а не размышлять" (Витгенштейн, 1988в. С.564))³⁴. Они увели бы нас в сторону, так как "Философские исследования" интересуют меня только как парадигма философской логики - притом в ее отображении на "Трактат" так, чтобы она получила свое "правильное освещение". Может быть, здесь стоит дать Витгенштейну возможность самому обобщить эту парадигму, так как он ясно давал себе отчет об эффекте философской пещеры и стремился избежать его, переформулируя цель своего философствования. Задав себе вопрос об этой цели, он отвечает сам себе: "Показать мухе на выход из банки, в которую она попала" (Витгенштейн, 1988б. С.258).

4. Философская пещера: практическая логика и конфликт между полисом и философами

Прежде чем закончить, я хотел бы только бросить вызов: проблема приложимости теории практических логик касается не только возможности их эмпирического исследования³⁵, а результаты такого исследования будут не

философской пещеры, являющейся эффектом перевернутой точки зрения философа. В "Тимее" Платон говорит о времени, что оно - "подвижный образ вечности" ("Тимей". 37с). Если, однако, выйти из философской пещеры и освободиться от нее, становится возможным перевернуть эту доксу и сказать: "вечность - это обновленный образ времени". Поэтому наши законы вывода могут быть одновременно вечными и изменчивыми, т. е. не быть времяустойчивыми. На языке "Трактата" это могло быть сказано, хотя и огрубленно, следующим образом: то, что случается в мире, в пространстве и времени, изменяет границы мира, которые не являются ни пространственными, ни временными.

³⁴ Но в других языковых играх, несоизмеримых с этой, противоречие может иметь как раз противоположные перформативные функции: "Предположим, что противоречие, например, в приказе, вызывает удивление и нерешительность, - и вот мы говорим: в этом и состоит цель противоречия в данной языковой игре" (Витгенштейн, 1988в. С.565).

³⁵ Я хочу подчеркнуть два неклассических методологических императива, которым мы следовали в этом исследовании, оба связанные с онтологическим принципом неполноты бытия у Мамардашвили: а) учет влияния, оказываемого на наблюдение фактом, что наблюдатель наблюдаем наблюдаемым; б) экспериментирование с формой эксперимента, которое перемещает исследовательский интерес от воспроизводимости эксперимента к границам этой воспроизводимости. Оба момента требуют от нас «конструирования», как сказал бы Шютц, идеальных типов по ходу действия, т. е. "гомункулов", совершенно отличных от шютцовских. "Гомункул не рождается, он не растет и не умрет. У него нет надежд и страхов. Он несвободен в том смысле, что его действия могли бы превзойти границу, которую его создатель, социальный ученый, ему предопределил" (Schutz, 1962. С.41). Проблема в том, чтобы конструировать такие гомункулы, чьи действия могли бы пре-

только инструментально полезными в социальных и гуманитарных науках. Это прежде всего проблема политическая.³⁶ Это так, потому что у теории Бурдые о несовпадении теории и практики есть и обратная, неосвещенная до сих пор сторона: Бурдые остается с тем, что ученый, некритичный к данному несовпадению, будет вменять свою логику тем, кого он исследует, - как исследуемым. И здесь нужно поставить политически болезненный вопрос: как это вменение логики оказывает - при приложении теории - обратное влияние на всех нас как граждан. Я имею в виду не только марксову критику политической экономии или психоанализ Фрейда (где это влияние очевидно), но и приложения так называемой галилеевской науки; как, впрочем, и практическое приложение самой математической логики: начиная с политической мечты, как сказал бы Фуко, о "мыслящих машинах", проходя через ее осуществление этой мечты в компьютере и заканчивая ее обыденным существованием посредством Интернета. Все это, очевидно, по-новому ставит проблему конфликта между полисом и философом.

В "Кризисе культуры" Ханна Арендт говорит, что "в притче о пещере в "Государстве" небо идей простирается над пещерой человеческого существования и может стать его нормой"; но, продолжает она, "философ, который покидает пещеру ради чистого неба идей, в начале делает это не для того, чтобы приобрести эти нормы и обучиться "искусству мерить", а чтобы созерцать истинную сущность бытия"; и добавляет: "идеи становятся мерилami лишь после того, как философ покинул сияющее небо идей и вернулся в мрачную пещеру человеческого существования"; именно здесь "Платон коснулся глубочайшего основания конфликта между полисом и философом", заключает она (Arendt, 1959. С.144-145). Это возвращает нас к *illusio* профессионального - здесь уже не формального, а философского - логика, всякого философа, который не дает себе отчета в своей позиции как в поле науки, так и по отношению к политическому полю. Кризис философии классического рационализма свидетельствует, что это *illusio* оказалось иллюзией; проблема уже не в том, чтобы философу вывести нас из пещеры, а чтобы он сам вышел из философской пещеры, освободился, как говорит Бурдые, от своей иллюзорной свободы и разрешил в себе свой конфликт с полисом. Это - неминуемое условие для разрешения конфликта между полисом и философом. Здесь, очевидно, проблема не только теории несовпадения теории и практики и удержания практической логики живущих в полисе, но и новой коммуникативной стратегии и новой практической логики самого философа.

Здесь я вернусь назад, чтобы напомнить, что мы уже установили два эффекта философской пещеры - два «перевертывания», обусловленные «перевернутой» точкой зрения философа. Прежде всего, это амфиболия вопроса о

взойти эту границу - удивить своего конструктора; здесь социологу (этнологу и т. д.) есть чему поучиться у романиста и драматурга - художественное произведение, например, ближе к экспериментированию с формой эксперимента, чем сам эксперимент.

³⁶ Политическое - в том в некоторой степени уже утерянном смысле, в котором его мыслит Ханна Арендт, отсылая к публичной жизни античного полиса, и в котором Сыбева говорит о "феноменологической археологии политического" (ср. (Arendt, 1997; Сыбева, 1997). Эта феноменологическая археология не может избежать, как мы увидим, не только проблемы конфликта между полисом и философами, она не может не проблематизировать то, что я уже назвал "философской пещерой".

"самой одинаковости", которую Сократ задает Симию в диалоге "Федон" (74e) - в неразличении формы как формы от формы самой по себе, отношения как отношения от отношения самого по себе и т. д., которое как вопрос пронизывает европейское философствование с Платона до наших дней. Неклассическая трансцендентальная логика, как я уже сказал, должна деконструировать самый этот вопрос, а не критиковать ответ, который Платон дает на него. После этого было проблематизировано философское заклинание из "Тимея" (37c) о времени как "подвижном образе вечности" - оно было соположено перевертыванию, так что мы дошли до вечности как остановившегося образа времени, до вечности, которая не времяустойчива³⁷; которая сама не временеет, но является функцией от временения жизни. Как я уже сказал, эти два перевертывания суть следствия того, что философ выходит из философской пещеры и, разрешив в себе конфликт с полисом, возвращается в полис, следуя новым коммуникативным стратегиям и новым практическим логикам - новым по отношению к тем коммуникативным стратегиям и практическим логикам, которым следует Сократ в диалогах Платона и которые передаются одним или другим образом сквозь классическую европейскую философию до наших дней и помечают своей наследственной меткой логику профессиональных логиков (вне зависимости от того, философы они или математики).

Таким образом, не стоит удивляться, что именно при открытии проблематики практической логики - логики, которую нужно предохранить от подмены логикой логиков, - Бурдые намечает нечто вроде стратегии подрыва привилегированности точки зрения Сократа, стратегии выхода из философской пещеры. "Логика (логиков) всегда является завоевательницей по отношению к хронологии, по отношению к последовательности: пока я в линейном времени, я могу удовлетвориться тем, что я логичен "вкрупную" (что ведет к тому, что практические логики жизнеспособны). Логика (логиков) предполагает столкновение последовательных моментов-вещей, которые были сказаны или сделаны в различных, отдельных моментах. Подобно Сократу - тому, кто ничего не забывает и ставит собеседников в противоречие с ними самими ("но не сказал ли ты только что..."), сталкивая последовательные моменты их речи..." (Бурдейо, 1993. С.85). К сожалению, Бурдые не тематизирует собственно логических проблем практической логики (из-за чего критика Сократа не связывается с предположением логических форм, которые вечны, но не времяустойчивы), и тем более не предлагает метода ее исследования.

³⁷ Она есть функция того, что Вацов называет действительностью действия, которое не задано как возможность какой-либо сущностью. Очевидно, что такое понимание вечности может быть полезным для прояснения неклассического "онтологического принципа неполноты бытия (или снятия классической предпосылки полного бытия-знания, т. е. предположения такого мира, где "в себе" все уже есть...)" (Мамардашвили, 1984. С.79). Этот принцип требует отказаться от "теорий, которые относятся к устойчивым и обратимым явлениям, и лишь тогда, на фоне этого, в качестве добавки, уточнения и т. д. начинают говорить о тех условиях и особенностях, которые связаны с появлением инноваций, нового в мире. Но, очевидно, имело бы смысл поступать наоборот..." - начать с появления нового и лишь тогда обращаться к "обратимым, устойчивым и повторяющимся в полноте бытия процессам, рассматриваемым уже как частный случай на фоне концептуально промысленной проблемы рождения, развития и исчезания новых форм..." (Мамардашвили, 1984. С.80-81).

Такой метод, как я уже указывал, предлагает неклассическая трансцендентальная логика.

Литература

- Арендт Х. Човешката ситуация. София, 1997.
- Бурдийо П. Казани неща. София: «Св. Кл. Охридски», 1993.
- Вацов Д. Погледът срещу гледането (Метафизиката като киномашина) // Критика и хуманизъм. 5/1998.
- Витгенщайн Л. Логико-философски трактат // Витгенщайн Л. Избрани съчинения, София, 1988. (а)
- Витгенщайн Л. Философски изследвания // Витгенщайн Л. Избрани съчинения. София, 1988. (б)
- Витгенщайн Л. Бележки към основите на математиката // Витгенщайн Л. Избрани съчинения. София, 1988. (в)
- Деянов Д. Теорията за предпредикатното мислене и проблемът за несъизмеримостта // Философска панорама. 3/1984.
- Деянов Д. Философската логика в един епистемологически ръкопис // Ръсел Б. Теория на познанието. София, 1997.
- Деянов Д. Трансценденталната логика и проблемът за несъизмеримостта. София, 1998.
- Деянов Д. Практическата логика като трансцендентален проблем // Критика и хуманизъм. 7/1999 (в печати).
- Луканин Р. «Органон» Аристотеля. Москва, 1984.
- Мамардашвили М. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси, 1984.
- Остин Д. Как с думи се вършат неща. София, 1996.
- Петков Т. От Остин и Бурдийо към логиката на молекулярните перформативи // Критика и хуманизъм. 7/1999 (в печати).
- Платон. Диалози.
- Ръсел Б. Теория на познанието. София, 1997.
- Събева С. Една феноменологична археология на политическото // Арент Х. Човешката ситуация. София, 1997.
- Фуко М. Порядъкът на дискурса // Генеалогия на модерността, съст. В. Градев. София, 1992.
- Хайдеггер М. Бытие и время. Москва, 1997.
- Arendt H. La crise de la culture. Paris, 1959.
- Deyanov D. Fifteen Theses on Practical Logic // Communicative Strategies of Culture: Modern Discursive Practices. Novosibirsk, 1999.
- Russell B. The Principles of Mathematics, vol. I. Cambridge, 1903.
- Russell B. Our Knowledge of the External World. London and New York, 1926.
- Schutz A. Collected Papers, Vol. I. The Hague, 1962.
- Strawson P. Logical Theory. London, 1977.
- Wittgenstein L. Letters to C. K. Ogden. Oxford, London and Boston, 1973.
- Wittgenstein L. Notebooks 1914-1916. Chicago, 1979.